

УРЕГУЛИРОВАНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается наиболее ответственный период в завязавшемся накануне Второй мировой войны советско-германском переговорном процессе — июль–август 1939 г. События разворачивались на фоне безрезультатных англо-франко-советских переговоров в Москве. Стремясь избежать международной изоляции СССР был вынужден использовать инициативу Берлина и подписать 23 августа 1939 г. договор о ненападении с Германией и секретный дополнительный протокол к нему.

Ключевые слова: Советский Союз, Германия, Берлин, Москва, дипломатия, договор, ненападение, агрессия, внешняя политика, ситуация, переговоры, конвенция, соглашение, война, торговля, безопасность, сотрудничество, перспектива.

The article discusses the most important period in the ensuing before world war II the Soviet-German negotiations process — July–August 1939, the Events unfolded on the background of fruitless Anglo-Franco-Soviet negotiations in Moscow. Seeking to avoid international isolation of the Soviet Union was forced to use the initiative of Berlin and sign the August 23, 1939 non-aggression Pact with Germany and a secret Protocol to it.

Keywords: Soviet Union, Germany, Berlin, Moscow, diplomacy, Treaty, non-aggression, aggression, foreign policy, the situation, negotiations, Convention, agreement, war, trade, security, cooperation, perspective.

Международная обстановка летом 1939 г. была накалена до предела. Все очевиднее становилась перспектива возникновения новой мировой войны. В создавшихся условиях единственным способом ее предотвращения было сотрудничество в области безопасности трех крупнейших государств континента — Англии, Франции и СССР. Сложившаяся коалиция являлась бы непреодолимым препятствием для любого агрессора, в том числе и гитлеровской Германии, откуда в 1939 г. исходила угроза возникновения войны.

Начавшееся весной 1939 г. трехстороннее обсуждение вопроса создания системы коллективной безопасности в Европе, политические переговоры в Москве в июне–августе, а затем и работа военных миссий, казалось, могли привести к созданию англо-франко-советского союза по противодействию гитлеровской агрессии в Европе. Но на пути к достижению эффективного соглашения встало взаимное недоверие, нежелание западных стран брать на себя конкретные обязательства, категорический отказ Польши принимать советскую помощь.

Трехсторонние переговоры в Москве проходили на фоне периодически поступающих из Берлина сигналов о стремлении Германии к улучшению двусторонних отношений с Советским Союзом. В условиях неумолимо приближающейся войны в Европе и когда вялотекущие переговоры в Москве практически не оставляли надежд для оптимизма, руководство СССР дало понять Германии, что может вступить с ней в диалог.

12 мая 1939 г. Гитлер заявил, что намерен «инсценировать в отношениях с Советским Союзом новый раппальский этап». Риббентропу было поручено предпринять шаги по налаживанию двусторонних отношений [7, с. 275]. Они должны были привести как к оживлению взаимной торговли, так и к улучшению политических контактов.

Советская сторона вела себя очень сдержанно и осмотрительно. Отдавая предпочтение достижению соглашения на трехсторонних переговорах с Англией и Францией, СССР опасался, как-бы действия Германии не привели к срыву этих переговоров.

Середину июля 1939 г. можно назвать своего рода переломным периодом в советско-германском диалоге. Во взаимной увязке стали рассматриваться как экономические, так и политические компоненты. 14 июля вопрос о судьбе торгово-кредитного соглашения обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Его решение основывалось на том, что стороны шли на взаимные уступки. За основу обсуждения принимался советский проект соглашения.

Германия делала уступки по срочным кредитам. Они предоставлялись на 7 лет, вместо ранее предлагавшихся шести. Ставка по кредитам снижалась до 4,5 проц.. Немецкая сторона принимала советские списки заказов.

СССР, в свою очередь, заявил о готовности пойти навстречу германским пожеланиям по ряду спорных вопросов, в частности: о курсе марки с золотой оговоркой, о размере советских поставок (до 170 млн. марок за 2 года), о сроках размещения советских заказов по кредиту (в течение 2 лет со дня заключения соглашения), о формах перевозок германских поставок (50–60% товаров на немецких судах) [8, с.185].

Решение Политбюро от 14 июля дало возможность сблизить позиции двух стран. Отвечающий за ведение переговоров с немецкой стороны Карл Шнурре в разговоре с советским торговым представителем подчеркнул, что видит в нем «возможность развития советско-германских экономических отношений на широкой основе и на этой базе — улучшение общих взаимоотношений» [8, с. 187].

За Карлом Шнурре было решающее слово на экономических переговорах с Советским Союзом в 1939–1941 гг. Руководитель восточноевропейской референтуры отдела экономической политики рейхсминистерства иностранных дел был опытным дипломатом, и при том, весьма настойчивым и напористым в отстаивании своих требований.

Решение Политбюро от 14 мая по существу выводило экономические переговоры из тупика. 19 июля К. Шнурре заявил ответственному работнику

советского торгпредства в Германии Е.И. Бабарину: «С этого момента может начаться новая полоса советско-германских отношений» [2, с. 277–278].

Об изменении царивших в Берлине настроений весьма убедительно свидетельствует письмо временного поверенного в делах СССР в Германии Г.А. Астахова В.М. Молотову от 19 июля. Он пишет, что «основным, интересующим германскую верхушку, является вопрос об исходе наших переговоров с Англией и Францией. Не решаясь, по понятным соображениям, на какие-либо активные демарши по линии заигрывания с нами здесь, ... немцы косвенно не упускают случая дать понять, что они готовы изменить политику в отношении нас и остановка, мол, только за нами. Подчеркнуто вежливое обращение на приемах, отсутствие придиорок по линии практических и оперативных вопросов, полная остановка антисоветской кампании в прессе, где, как и в речах, даже перестал упоминаться «большевизм», а в отношении СССР как государства и его руководителей взят небывало корректный (по сравнению с прежними временами) тон, все это довольно характерно для теперешней тактики в отношении нас» [4, с. 109].

На экономических переговорах немецкие дипломаты тоже продемонстрировали готовность занять более конструктивную позицию. Как видно из разговора К. Шнурре с Г.А. Астаховым и заместителем торгпреда СССР в Германии Е.И. Бабариным все разногласия заключались в доле ценных видов сырья (медь, свинец, цинк и др.) в общей сумме советских поставок. Германия, как заявил Шнурре, готова удовлетвориться поставками сырья на 190 млн. марок, предоставляя Советскому Союзу кредит в 200 млн. марок [5, с. 551]. При этом он вполне определенно подчеркнул, что Германия предоставляет кредит Советскому Союзу на весьма льготных условиях и делает это главным образом по политическим соображениям.

Приближающаяся война с Польшей, намеченные переговоры в Москве военных миссий СССР, Англии и Франции о согласовании совместных действий по отражению возможной агрессии в Европе вынуждают Берлин активизировать действия по достижению как экономических, так и политических договоренностей с Советским Союзом. В процесс включаются высшие должностные лица рейха.

2 августа 1939 г. с советским поверенным в делах в Берлине встретился министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп. Отметив, что у советско-германской торговли есть благоприятные перспективы, рейхсминистр подошел к тому, что «благополучное завершение торговых переговоров может послужить началом политического сближения. ...Есть одно предварительное условие, которое мы считаем необходимой предпосылкой нормализации отношений — это взаимное невмешательство во внутренние дела». Риббентроп сказал, что никаких серьезных противоречий между СССР и Германией нет. «По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться. В этом я глубоко уверен», — заявил он. Эту мысль рейхсминистр иностранных дел в различных выражениях проговорил

несколько раз. Никаких конкретных предложений им высказано не было, но подчеркнув, что это точка зрения германского правительства Риббентроп заметил: «Если Советское правительство проявляет к этому интерес и считает подобные разговоры желательными, тогда можно подумать и о конкретных шагах, какие следует предпринять» [5, с. 566–570].

3 августа прояснить перспективы улучшения всего комплекса германо-советских отношений, явно по указаниям из Берлина, уже в Москве пытался Ф. Шуленбург в полуторачасовом разговоре с В.М. Молотовым. Диалог был непростой, высказывались взаимные упреки, но германский посол настойчиво придерживался главного: все плохое оставляем в прошлом, давайте строить новые отношения [5, с. 570–572].

8 августа Г.А. Астахов в письме наркому иностранных дел изложил свое видение важнейших вопросов советско-германских отношений, сложившееся у него «на основании как прямых высказываний своих собеседников, так и более или менее туманных намеков, имеющих, однако, кое-какое показательное значение». По его словам подписание торгово-кредитного соглашения, которое «по всем признакам ... не за горами» немцы рассматривают как шаг к серьезному разговору политического характера. «В качестве первоначальных, относительно безобидных объектов, — пишет Астахов, — немцы имеют в виду:

1. Вопрос об «освежении» Рапальского и других политических договоров в форме ли замены их новым договором или в форме напоминания оных в том или ином протоколе.

2. Вопрос о прессе. Совершенно определенно можно сказать, что немцы хотели бы договориться относительно той или иной формы взаимного «ненападения по линии прессы» [5, с. 585].

Однако, с точки зрения советского дипломата, руководство Германии интересовали не только эти вопросы, важные, но не главные. По существу на этой тематике планировалось проверить Советский Союз на готовность договариваться. Немецкая сторона рассчитывала вовлечь советское руководство в разговор более далеко идущего порядка. Их интересовал «обзор всех территориально-политических проблем», которые могли возникнуть между двумя странами.

Астахов пишет, что немцы желают создать у Советского Союза впечатление, что готовы были бы объявить свою незаинтересованность (по крайней мере политическую) к судьбе прибалтов (кроме Литвы), Бессарабии, ранее принадлежавшей России польской территории (с изменениями в пользу немцев) и отмежеваться от аспирации на Украину. «За это, — отмечает советский поверенный в делах, — они желали бы иметь от нас подтверждение нашей незаинтересованности к судьбе Данцига, а также бывшей германской Польши (быть может с прибавкой до линии Варты или даже Вислы) и (в порядке дискуссии) Галиции. Разговоры подобного рода в представлениях немцев, очевидно, мыслимы лишь на базе отсутствия англо-франко-советского военно-политического соглашения» [5, с. 586].

Трехсторонние переговоры военных миссий должны были начаться в Москве 12 августа и, как видно из документов, это беспокоило германскую дипломатию. К тому же, из различного рода источников было известно, что к 20 августа должно быть закончено развертывание немецких войск против Польши. Военная акция могла последовать начиная с 25 августа. Опираясь на данные полученные из польского посольства в Москве, Ф. Шуленбург информировал Берлин о том, что «Польша ни в коем случае не потерпит того, чтобы советские войска вступили на ее территорию или даже проследовали через нее» [4, с. 182].

Тем не менее, от советских дипломатов в Берлине в первой половине августа 1939 г. высокопоставленные сотрудники германского МИДа настойчиво добивались ясности какова будет позиция Советского Союза в случае германо-польской войны. Напоминают сказанное Риббентропом о возможности договориться по всем вопросам от Черного моря до Балтийского, выражают готовность обсудить и «другие объекты переговоров» [4, с. 183]. «Германия хотела бы знать, — докладывал в Москву Г.А. Астахов, — к чему наши интересы сводятся. Отказ от Прибалтики, Бессарабии, Восточной Польши... Это в данный момент минимум, на который немцы пошли бы без долгих разговоров, лишь бы получить от нас обещание невмешательства в конфликт с Польшей» [7, с. 283].

Ситуация на международной арене, сложившаяся в августе 1939 г., поставила Москву перед сложным выбором. С одной стороны СССР заинтересован был в продолжении трехсторонних переговоров и заключении соглашения с Англией и Францией об эффективном противодействии агрессору. С другой стороны их вялое течение, полная неопределенность перспектив, прибытие в Москву для выработки военной конвенции абсолютно не представительных делегаций да к тому же без надлежащих полномочий, не способствовало формированию атмосферы доверия на переговорах. Все это усиливало беспокойство советского руководства за безопасность страны. В этих условиях, чутко улавливая поступающие из Берлина сигналы, Москва дала понять Германии, что готова вступить с ней в диалог.

11 августа 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение «вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин» [7, с. 283]. В тот же день в советское представительство в Германии пошла телеграмма: «Перечень объектов, указанный в Вашем письме от 8 августа нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней от торгово-кредитного соглашения к другим вопросам. Вести переговоры по этим вопросам предпочитаем в Москве. Молотов» [4, с. 184].

Ответ из Берлина не заставил себя ждать. 13 августа поверенному в делах СССР в Германии Г.А. Астахову было заявлено, что германское правительство согласно на ведение переговоров и «оно хотело бы доверить подобные разговоры кому-либо из лиц, близко стоящих к фюреру». Астахову было заявлено, что «наиболее верным средством была бы непосредственная

беседа Риббентропа с Молотовым», но поскольку это пока неосуществимо, переговоры мог бы вести рейхсминистр юстиции Г.М. Франк [5, с. 603–604].

Предложение об использовании в переговорах Франка просуществовало буквально два дня. 15 августа Ф. Шуленбург, выполняя полученные инструкции из Берлина, срочно запросил приема у В.М. Молотова. Он зачитал ему памятную записку своего правительства. В ней говорилось об отсутствии неразрешимых противоречий в отношениях между Германией и СССР. Отмечалось, что «различные мировоззрения не исключают разумных отношений между этими двумя государствами и возможности восстановления доброго взаимного сотрудничества». Но поскольку положить конец периоду внешнеполитических противоречий и освободить дорогу к новому будущему обычным дипломатическим путем возможно только медленно «министр иностранных дел Германии фон Риббентроп готов на короткое время приехать в Москву, чтобы от имени фюрера изложить господину Сталину точку зрения фюрера. По мнению господина фон Риббентропа, перемена может быть достигнута путем такого непосредственного обмена мнениями, не исключающего возможности заложить фундамент для окончательного приведения в порядок германо-советских отношений» [4, с. 232–233].

Беседуя с послом по существу памятной записки, В.М. Молотов заметил, что если вести речь о приезде Риббентропа в Москву, то предварительно следовало бы «провести подготовку определенных вопросов для того, чтобы принимать решения, а не просто вести переговоры». Советский Союз, в частности, интересовало «существует ли у Германского правительства определенное мнение по вопросу заключения пакта о ненападении с СССР». И если, заключил Молотов, «Германское правительство относится положительно к идее пакта о ненападении или аналогичной идее и если подобные идеи включают сегодняшнее заявление Шуленбурга, то надо говорить более конкретно» [5, с. 607].

17 августа Ф. Шуленбург вторично посетил наркома иностранных дел и вручил новую памятную записку правительства. В ней говорилось, что Германия готова заключить с СССР пакт о ненападении, причем, если пожелает Советский Союз без деноминации сроком на 25 лет, гарантировать Прибалтийские государства, а также употребить свое влияние для улучшения советско-японских отношений. Учитывая напряженность в германо-польских делах, Берлин особенно торопился с заключением пакта о ненападении. Как значилось в записке, начиная с 18 августа Риббентроп готов был в любое время прибыть в Москву с полномочиями вести переговоры и подписать соответствующие договоры по всем вопросам двусторонних отношений [4, с. 271–272].

Во время этой встречи Молотов передал послу ответ Советского правительства на немецкие предложения от 15 августа. В документе говорилось, что Советское правительство приветствует поворот во внешней политике Германии в сторону серьезного улучшения политических отношений с СССР и готово, со своей стороны, перестроить свою политику.

Первым шагом к такому улучшению отношений могло бы быть заключение торгово-кредитного соглашения, а вторым, через короткий срок, «заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем, чтобы последний представлял органическую часть пакта» [4, с. 272–273].

Таким образом, 15, 17 августа советско-германские переговоры об улучшении отношений перешли в плоскость согласования конкретных решений. Советский Союз впервые высказывает свою точку зрения на итоговые документы — торгово-кредитное соглашение, пакт о ненападении, или подтверждение договора о нейтралитете 1926 г. и специальный протокол.

В целом же прямое упоминание о договорах, как о возможном виде закрепления советско-германских отношений впервые появилось в беседе Риббентропа с начальником правового отдела МИД Германии Ф. Гаусом 25 мая 1939 г. Разговор последовал непосредственно после появления 24 мая в печати заявления премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена об англо-франко-советских переговорах и обсуждения этого вопроса на заседании британского кабинета. Однако на предварительных этапах контактов между немецкими и советскими дипломатами этот термин не применялся, разговоры велись лишь в общей форме. 16 июня в беседе с японским послом в Италии Саратори Риббентроп сказал о возможности заключения с Советским Союзом «пакта о ненападении». После этого предложение о заключении пакта, или «освежении» заключенного в 1926 г. договора о нейтралитете было введено в оборот [6, с. 588–589].

Отмечая напористость германской дипломатии в том, чтобы заручиться нейтралитетом Советского Союза накануне грядущего военного конфликта с Польшей, уместно отметить еще одну сторону проблемы. О ней говорится в книге швейцарского дипломата Карла Буркхардта, который был в 1937–1939 гг. верховным комиссаром Лиги Наций в «вольном городе» Данциге. 11 августа 1939 г. имела место его встреча с А. Гитлером в Берхтесгадене. В своей книге «Моя данцигская миссия. 1937–1939» он приводит следующие слова немецкого фюрера сказанные ему в этот день: «Все, что предпринимаю, направлено против России. Если Запад так глуп и слеп, что не может этого понять, я буду вынужден договориться с русскими. Затем я ударю по Западу и после его поражения объединенными силами обращусь против Советского Союза. Мне нужна Украина ...» [1, с. 49].

В преддверии конфликта с Польшей немецкая дипломатия проявляет чрезвычайную активность. 19 августа Шуленбург в очередной раз посетил Молотова. Важнейший вопрос обсуждения — возможность приезда Риббентропа в Москву для согласования всех вопросов, которые уже были подняты или могли бы возникнуть. Что же касается основного документа, то Германия склонялась не к продлению договора 1926 г., а к заключению

нового пакта. Его проект состоящий всего из двух статей Шуленбург передал Молотову.

Советский нарком заметил, что поднимаемые в договоре вопросы должны быть более детально проработаны как это сделано в других документах подобного рода подписанных Советским Союзом. Итогом разговора длившегося два с половиной часа была передача германскому послу советского проекта пакта, состоявшего из пяти статей и заявление Молотова, что «Риббентроп мог бы приехать в Москву 26–27 августа после опубликования торгово-кредитного соглашения» [5, с. 615–617].

Кредитное соглашение между СССР и Германией было подписано в Берлине 19 августа 1939 г. Сообщая об этом в номере от 21 августа, газета «Известия» писала, что оно «предусматривает предоставление Германией СССР кредита в размере 200 млн. германских марок сроком на семь лет из 5% для закупки германских товаров в течение двух лет со дня подписания соглашения, ... поставку товаров со стороны СССР Германии в тот же срок, т.е. в течение двух лет на сумму в 180 млн. германских марок» [6, с. 584]. Одновременно состоялось подписание Конфиденциального протокола, в котором были оговорены различные стороны финансовых расчетов. Соглашение предусматривало поставку в СССР некоторых технологий и продукции оборонного значения, а поэтому в соглашении значилось, что «переданные из Германии в СССР методы будут держаться в секрете. Советская сторона товарами, которые будут производиться с помощью переданных приспособлений, установок и предметов не будет конкурировать с германскими фирмами на мировом рынке». Это относилось также к вывозу специальных машин, поставлявшихся в рамках передаваемых методов и производившихся тогда только в Германии [6, с. 584].

Соглашение было нужным и выгодным для Советского Союза и в правительственных структурах его оценили весьма высоко. «Советско-германское торгово-кредитное соглашение от 19 августа с.г., — писала газета «Правда» в номере от 21 августа, — значительно улучшает не только условия самого кредита, но и всей советско-германской торговли. Условия кредита вполне нормальны и выгодны для обеих сторон. Без такого улучшения условий СССР не мог пойти на широкое размещение заказов в Германии и на получение кредитов, ибо СССР теперь находится в совсем ином положении, чем раньше» [9, с. 70].

В рамках кредитного соглашения к 22 июня 1941 г. Советский Союз поставил Германии товаров на сумму 142,3 млн. марок, а Германия с отгрузкой в СССР — на сумму 106,7 млн. марок, в том числе по военным заказам на 721,6 тысяч марок из 58,4 млн. по соглашению [6, с. 584].

Что же касается визита в Москву министра иностранных дел Германии, то назначенная Молотовым дата 26–27 августа немцев не устраивала. В августе 1939 г. общий тактический интерес СССР и Германии состоял в том, чтобы гитлеровская агрессия против Польши не переросла в германо-советскую войну.

21 августа в 15 часов Ф. Шуленбург посетил Молотова с просьбой ознакомиться с посланием Гитлера и передать его Сталину. Гитлер просил советского руководителя принять И. Риббентропа «не позднее среды, 23 августа. Министр Иностранных Дел, — писал Гитлер, — имеет всеобъемлющие и неограниченные полномочия, чтобы составить и подписать как пакт о ненападении, так и протокол» Положительный ответ Сталина последовал через два часа. [4, с. 302–303].

23 августа два четырехмоторных самолета делегации Риббентропа в 7 часов 10 минут вылетали из Кенигсберга по маршруту Каунас—Великие Луки—Москва [5, с. 626]. Переговоры начались незамедлительно по прибытии Риббентропа в Москву и в ночь с 23 на 24 августа были подписаны договор о ненападении и секретный дополнительный протокол к нему. Договор о ненападении в том числе гарантировал Германии советский нейтралитет независимо от того станет она жертвой агрессии или сама ее совершит. Именно этого добивалась от Москвы германская дипломатия. В дополнительном протоколе были согласованы вопросы «о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе», т.е. ее территориально-политического переустройства [5, с. 632]. Стороны договорились сохранять этот протокол в строгом секрете. 31 августа подписанный в Москве договор о ненападении был ратифицирован Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии. Секретный протокол был изъят из процедур ратификации.

Договор о ненападении и секретный протокол к нему стали юридической и политической базой для дальнейшего развития советско-германских отношений. 24 декабря 1989г. II съезд народных депутатов СССР принял специальное постановление по этому вопросу. В нем отмечалось, что «содержание этого договора не расходилось с нормами международного права и договорной практикой государств, принятой для подобного рода урегулирований. Однако, как при заключении договора, так и в процессе его ратификации скрывался тот факт, что одновременно с договором был подписан, «секретный дополнительный протокол». Съезд осудил его как «юридически несостоятельный» и «недействительный с момента подписания документ» [6, с. 590].

Литература

1. Безыменский, Л. Августовские предложения Гитлера Лондону / Л. Безыменский // Международная жизнь. — 1989. — №8. — с. 40–50.
2. Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой / Лев Безыменский. — М.: Вече, 2002. — 512 с.
3. Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. — М.: Политиздат, 1990. — т. 1: 29 сентября 1938 г.–31 мая 1939 г. — 555 с.
4. Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. — М.: Политиздат, 1990. — т. 2: 2 июня 1939 г.–4 сентября 1939 г. — 431 с.
5. Документы внешней политики СССР. 1939. Т. XXII: В 2 кн. М.: Междунар. отношения, 1992. — Кн. 1: январь–август. — 712 с.

6. Документы внешней политики. 1939. — Т. XXII: В 2 кн. — М.: Междунар. отношения, 1992. — Кн. 2: сентябрь–декабрь. — 688 с.
7. Сидоров, А.Ю., Клейменова, Н.Е. История международных отношений (1918–1939) / А.Ю. Сидоров, Н.Е. Клейменова. — М.: Центрполиграф, 2008. — 639 с.
8. СССР — Германия: 1933–1941. — М.: 2009. — 368 с.
9. СССР — Германия. 1939–1941. Секретные документы. / Под. ред. Ю.Г. Фельштинского. — М.: Эксмо, 2011. — 284 с.

Библиотека БГУИР